

Сведения о жизни архимандрита Переславского Данилова монастыря Григория Неронова¹

Если вы будете в г. Переславле-Залесском и пожелаете помолиться в Даниловом монастыре, то остановитесь на несколько минут на папертях соборной церкви и направо от входных дверей обратите внимание на надписи, высеченные на стене собора. Здесь четыре надписи над погребёнными архимандритами Данилова монастыря: 1-я гласит: «1710 года преставися... Архимандрить Досифей и правил архимандритіею 8 л. и 7 мѣсяцев *смиренно*»; 2-я: «1746 г. преставися Архимандрить Антоній Платковскій и правил архимандритіею *смиренно* 1 г. и 5 мѣсяцев»; 3-я: «1792 г. отъиде въ вѣчное блаженство Архимандрить Амвросій Карцевъ изъ дворянъ»; наконец, 4-я вверху этих надписей: «лета 7178 (1670 г.) Іаннуарія во 2 день на память иже во святыхъ отца нашего Сильвестра, папы Римскаго, преставися рабъ Божій обители сея архимандрить Григорій Нероновъ». Читая раньше эти надписи, мы не придавали особенного значения какой-нибудь из них, а считали всех здесь лежащих почивших архимандритов обыкновенными смертными православными и молились по мере веры и усердия о упокоении их. В недавнее время мы снова прочитали эти надписи и, сравнивая их между собою, невольно остановились на надписи над могилой архимандрита Григория Неронова. В первых двух надписях написано, что настоятели управляли архимандритіею *смиренно*, в 3-й сказано, что преставившийся *отошёл в царство небесное*, в 4-й над архимандритом Григорием Нероновым сказано только *преставися* и больше ничего. Что сие значит? Что это за архимандрит Григорий Неронов? По наведённым справкам оказалось, что этот архимандрит Григорий Неронов не обыкновенный смиренный смертный Даниловский архимандрит; но в своё время — это рыцарь печального образа, начало и вождь русского раскола, известный более под именем протопopa Ивана Неронова. Это один из самых видных защитников раскола, 14 лет возмущавший мир в православной церкви Божией, — это, как назвал его друг его Аввакум, *глава* всего раскольниковскаго скопища. «*Ныне*, — писал он царю, — *учение в России не стало, и глава от церкви отста, а глава*, — поясняет он судьям, — *реку — Иван, у Казанския церкви тут был*». (24.) И действительно — это была самая рьяная глава раскольников: это был какой-то ураган, который, несмотря ни на какие противодействия ему, хотел смести всё православное! Он бесцеремонно пишет свои челобитные и царю, и царице, и восточным патриархам. По таким его доблестям, ему надлежало бы быть где-нибудь в далёкой ссылке, или на плахе, как Никите Пустосвяту; а он покоится в скромной православной обители Преподобного Даниила, и не как простой смертный, а как настоятель её, архимандрит, вместе с другими смиренными архимандритами той обители! Как всё это случилось? Проследим его жизнь.

Лета от сотворения мира 7099, а от Рождества Христова 1591, в пределах Вологды, в 60 верстах [64 км] от неё, на Лому при р. Саре у крестьянина Мирона² родился сын, названный

^{*} Свирелин, А. И. Сведения о жизни архимандрита Переславского Данилова монастыря Григория Неронова / А. И. Свирелин // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1904. — Т. 6. — С. 1—47.

¹ Главным источником для составления настоящей статьи послужили материалы для истории раскола, изданные редакцией «Братского Слова», т. 1, 1875 г.; цифры, выставляемые в статье, указывают на страницы этих материалов, где находится то или другое обстоятельство, то или другое речение. Мне хотелось из этих материалов представить жизнь Неронова в возможной системе. Была также у меня статья о Неронове профессора Знаменского («Православный Собеседник», 1869 г., ч. 6, стр. 236—282 и 325—366) и несколько документов Данилова монастыря.

² В народном употреблении имя *Мирон* произносилось *Нерон*, — отчего и произошло, что вместо *Иван Миронов* стали звать *Иван Неронов*.

с. 1

с. 2

с. 3

в крещении Гавриилом. Данное в крещении имя обыкновенно так и остаётся у человека во всю жизнь его, если он не принял монашества. У сына Миронова вышло не так. Родителям Гавриила казалось недостаточным для своего сына данного ему при крещении имени; они сами дали ему другое «Иоанн», в знак того, что *от младых ногтей* вселился в него благодать Святого Духа. И это имя так привилось к Неронову, что почти совсем вытеснило имя Гавриил, данное ему при крещении. В истории раскола Неронов известен более под именем Ивана Неронова, а не Гавриила.

- О его детстве и дальнейшей его деятельности до его протоиерейства в московском Казанском соборе, когда он открыто восстал против исправления книг патриархом Никоном, мы, к сожалению, не имеем других документов, кроме жития его, писанного вскоре после его смерти одним из почитателей его, и записки о его жизни. Житие это, надобно сказать, написано без упоминания о раскольных подвигах Неронова; но писано с тою главною целию, чтобы представить его, как великого учителя и подвижника в праведной жизни. По образцу житий святых отец, и составитель жития Григория Неронова о детстве его пишет: *«и бе нравом кроток и смирен, к иным отроком, в безстрашии живуцим, никогда же прилагайся и удаляйся от всякаго зла»*. Но уже в юношеском возрасте, как из самого жития видно, рекомый Иоанн стал проявлять свой самостоятельный непокойный характер. Во время нашествия поляков и литовцев на Русскую землю хищнические отряды появились в пределах Вологды и дом отца Иоанна разграбили и сожгли, а жители того селения стали разбегаться по разным местам; тогда и юноша Иоанн оставил своё отечество и сродников и пришёл в г. Вологду во время рождественских праздников. Проходя улицами города, он увидел ряженных в масках, выходящих, как он узнал, из архиерейского дома; Иоанн воскипел гневом, стал обличать их и поносить, как слуг бесовских. Прислуга архиерейская набросилась на неожиданного учителя и избила его до полусмерти. *«И лежал он, — замечено в житии, — от вечера до утра, а потом, яко от сна возбудися и Божиею помощию ни мало чюяше болезни на теле своём»*. (248.) Продолжая своё путешествие далее, Иоанн дошёл до г. Устюга и поселился в доме одного церковника, у которого выучился читать. Житие и это обучение выставляет как нечто необыкновенное: сперва он туго понимал грамоте, потом, после долгой молитвы к Богу об откровении ему смысла, *единым часом отверзе ему Бог ум разумети писания, и сверстников своих превзыде*. (250.) Странствуя далее, Иоанн пришёл в город Юрьевец Поволгский и поместился в селе Никольском у одного священника и с ним непрестанно ходил к службам церковным, изучая устав их. Живя у священника долгое время, Иоанн женился на его дочери (Евдокии), и мать её радовалась, что Бог так нечаянно дал им зятя *праведна и благоразумна суца*. (250.) При церкви в селе Никольском было несколько священников, ведших (по сказанию жития) жизнь не всегда высоконравственную. Иоанн стал обличать их, не пощаждая даже и тестя своего. В это время было ему уже около 30 лет. Священникам, конечно, неприятно было слышать нравоучения какого-то странника, и вот они вместе с некоторыми из прихожан написали жалобу на Неронова патриарху Филарету, уличая его, вероятно, в поносных речах против лиц священного сана. Видя, что дело плохо, и сообразив, что село это было одно из вотчинных Троицко-Сергиева монастыря, Неронов (сказавшись только своей жене) убежал из села в тот Сергиев монастырь. Здесь он принял образ смиренного и кроткого странника и сделался скоро известным самому архимандриту Дионисию, жил даже у него в келье немалое время и так сумел войти в его расположение, что архимандрит от себя написал письмо патриарху, в котором представил Неронова с лучшей стороны, как невинно пострадавшего по злобе на него священников того села, и просил поставить его в сан диакона. Патриарх поставил Неронова в диакона, а по доносу священников приказал нарядить строгое следствие, с тем, что если священники окажутся виновными, посадить их в тюрьму, со взысканием с них проторов и убытков, какие он потерпел вследствие хождения в Троицкий Сергиев монастырь. Но, говорит житие, *«праведная и незлобивая»* душа Иоанна простила обидевших и желала прекратить суд. Заручившись расположением Троицкого архимандрита и вниманием самого патриарха, диакон Иоанн стал свободнее проявлять свой нрав *«и егда, — пишется в житии, — иереи прихождаху в церковь пиани, тогда Иоанн отторгаше их от алтаря и вон из церкви извождаше, и един пояше в церкви и поучаше народ»*. (255.) Неронов год таким образом прослужил диаконом, а потом пошёл в Москву; здесь посвящён патриархом в иерейский сан и явился опять в село Никольское. Причт, конечно, стал косо смотреть на нового иерея и ещё более возненавидел его. Увидел и сам Неронов, что жизнь его в этом селе не на утешение ему, и потому, взяв свою жену, пришёл в село Лысково, Нижегородского уезда, и поселился в доме священника Анании в качестве его викарного священника. Священник Анания был довольно сведущ в знании священного

писания, и иерей Иоанн многому научился от него. Жил он в этом селе долгое время. Но для широкой натуры Неронова тесно было жить под присмотром другого, — он хотел простора и жизни более самостоятельной. Он оставил Лысково и переселился в Нижний Новгород. Пристроиться к какой-либо церкви, у которой уже был причт, ему не хотелось; ему хотелось самому быть настоятелем. Внутри города была одна деревянная церковь, стоявшая без службы, в запустении, — при ней он и поселился и стал служить в ней вечерню и утреню, созывая народ, за неимением колоколов, посредством деревянного била. Как можно было так завладеть церковью и свободно совершать в ней службы, можно объяснить только простотою тогдашнего времени. Оставляем этот вопрос на ответственности жития. Для привлечения к себе народа и овладения душами слушателей у иерея Иоанна была уже хорошая опытность: кроме совершения служб, он занимался объяснением священного писания и, поучая народ, «*кланяшеся на обе стороны до земли, со слезами моля слушателей иметь попечение о спасении душ*». Такой необычный способ толкования священного писания не мог не оказывать на народ сильного впечатления. Кроме того, он стал ходить по улицам города и на торжище, нося с собою книгу Маргарит, и всем возвещал путь спасения.

с. 7

Слава о новом неусыпном проповеднике стала распространяться более и более, даже по окрестностям — и потекли к нему пожертвования. Отец Иоанн завёл церковную утварь и колокола, — вместо ветхой церкви устроил новую благолепную, и клир завёл, настроил и келий для жительства инокинь, и странноприимную, в которой питались иногда до ста человек. Многие из граждан приводили к нему детей ради книжного учения, и он учил их с прилежанием. Если действительно такова была деятельность Неронова, то, конечно, она очень почтенна и достойна уважения. Благоразумие требовало духовному лицу и пребывать в этом звании, и подвизаться в этих трудах, приличных иерею. Но беспокойной натуре Неронова надобно было вмешаться в посторонние дела. Во время святок в Нижнем Новгороде, да и во всех почти городах русских, развито было ряженье в различные одежды с масками; ряженные ходили по улицам и домам с бубнами и домрами и разыгрывали разные смешные сцены с плясками. Иерей Иоанн, никем не уполномоченный, сам по себе вооружился против ряженных. Ночью, даже в полночь, с своими учениками он выходил из своего места на городские улицы — и всех попадающихся ему ряженных обличал, а орудия игрищные — бубны и домры отнимал и разбивал. Скоморохи, конечно, вступали в состязание с Нероновым и защищались, — и таким образом по ночам устраивались смятения и побоища. Бывший тогда воевода Фёдор Шереметьев, на обязанности которого лежало наблюдать тишину и спокойствие в городе, привлёк Неронова, как главного виновника ночных смятений в городе, к суду и посадил его в тюрьму, заковав его в узы железные. И пробыл отец Иоанн в тюрьме 40 дней, «пока, — замечено в житии, — некто от боголюбивых повелением *царёвым* разрешив его, отпусти».

с. 8

Отец Иоанн Неронов жил в Нижнем; но, раз испытавши на себе благоволение патриарха Московского, выразившееся в его производстве в диакона и иерея, он при всяком удобном случае стремился заявлять себя в Москве. Оказались у него нужды по устройству церкви и по другим благотворительным учреждениям, и он на празднике Пасхи явился в Москву. По сказанию жития, был в Москве обычаем пред этим праздником брить волосы на голове и бороду и ходить в церковь в тафьях. Видели это, конечно, и патриарх и другие высшие лица духовного звания; но не видно было каких-нибудь мер с их стороны против уничтожения такого странного обычая. Явился в Москву нижегородский иерей Иоанн и выступил с *дерзновением* с словом обличения против бояр и других высоких чинов. Много пришлось ему перенести от них неприятностей и побоев; но цель его достигнута. Отсюда, то есть из этого обстоятельства, он стал быть известным и царю, и патриарху, и многим боярам; кроме того, получил он и много разных подарков — и прибыл в Нижний. Сделавшись известным царю и патриарху, иерей Иоанн повёл себя в Нижнем совершенно самостоятельно, не признавая над собою никакой местной церковной власти. После некоторых столкновений протоиерей собора, за самочинные действия и учение Неронова, посадил его в тюрьму, заковав ноги и шею в тяжкие железа. Узы эти, по сказанию жития, не смели касаться тела такого праведника, каким был Неронов, и внезапно с него спали, двери темницы отворились — и ворота двора темничного также оказались отверстыми; — он вышел никем не видимый и никем не удерживаемый и пришёл прямо к своей церкви и зазвонил на церковное пение. После такого чуда, замечено в житии, и протопоп соборный *несмеяше, что зла ему сотворити*. (266.)

с. 9

В Нижнем Новгороде удалось Иоанну Неронову одержать верх над своими врагами; за то ненависть к нему росла более и более. Сделавшись известным царю и патриарху, широкая и самолюбивая душа его искала большей известности, чтобы ещё повыше выдвинуть себя.

с. 10 Начинаясь война с Польшею, составлялись в Москве полки на брань. В это время прибыл в царствующий град и отец Неронов; «провидя духом, — сказано в житии, — *яко немудро одолети сопротивных*», он просил и царя и патриарха покончить дело миром.

В настоящий раз он своим вмешательством в государственные дела хотел изобразить из себя не только защитника религии, но и мудрого политика, мужа, для государства нужного. Однако и царь и патриарх очень неблагоприятно посмотрели на вмешательство в государственные дела пришлого иерея, — и повелели сослать его в Корельский монастырь в заточение. Путь от Москвы до Корельского монастыря житие обставляет непрерывными чудесами: *елижды бо свирепый, приставленный воин налагаше на Иоанна оковы железныя, толико узы оныя сами спадаху с него.* (268.) Но воин не видел тут силы Божией, а простую хитрость ссыльного, и потому всякий раз, когда узы спадали с Неронова, принимался бить его и ругать — и опять надевал их. Таким образом и доставлен был отец Иоанн в Корельский монастырь. Сосланный в заточение царём и патриархом, Неронов должен бы смиряться и вести себя в монастыре, подчиняясь монастырским уставам; но не такой уж он был человек: он и здесь стал вмешиваться в дела настоятеля и в жизнь иноков — и постоянно докучал им своими обличениями. Они, по рассказам жития, захотели избавиться от неугомонного пришлеца: истопили келью, в которой он жил, с угаром, посадили в ней Иоанна и заперли, надеясь, что он умрёт от угара. Но там, где человеческими средствами нельзя избавиться от грозящей опасности, житие приводит чудесное, необычное избавление: «и внезапно, — по сказанию его, — восхищен бысть Иоанн от келии и поставлен вёрст за 70 [75 км] от монастыря в г. Холмогоры в дом некоего воина». (269.)

Неронов рассказал воину о своём чудесном избавлении и перенесении сюда, — этот воеводе, а воевода отписал будто царю и патриарху, которые и повелели освободить такого чудотворца из заточения. Иоанн явился в Москве к царю и патриарху и, получив от них разрешение, отправился опять в Нижний. В Нижнем он по-прежнему проявлял свою учительную и служебную деятельность, не выходя уже, впрочем, по ночам на улицы города. Пожертвования потекли к нему обильные, так что он и церковь создал каменную, и кельи каменные построил, и женский монастырь устроил. Оправдывается ли всё это историей, неизвестно; рассказывает о том житие, а других свидетелей нет.

с. 12 Хорошо застроился Неронов в Нижнем Новгороде, и покойно было ему жить. Чрез разные искательства в Москве он стал известен и царю, и патриарху, почему и прежние его нижегородские враги не трогали неугомонного и опасного человека, который при малейшем столкновении с ним мог наделать много беспокойства. Да и сам Неронов, занявшись, вероятно, устройством церквей и женского монастыря на известном прежде месте, уже не находит нужным выходить по стогнам города с обличениями. Авторитет его, как пастыря, любящего богослужение и учительна, утвердился. Между тем судьба указывала ему другое, более видное место. При царе Алексее Михайловиче два лица особенно были близки к нему и имели на него громадное влияние: это духовник царский Стефан Вонифатьевич и постельничий царский Фёдор Михайлович Ртищев, человек умный и религиозный. Оба они были озабочены учреждением богослужебного порядка, потому что и пение и чтение в церквях происходило в одно и то же время. «Смушение велие вниде в святую церковь, — замечает житие Неронова, — от неразумющих Божественнаго учения, не единогласно певаху, но в гласы два, и три и в шесть церковное совершаху пение, друг друга неразумюще, что глаголют; и от самех священников и причетников шум и козлогласование во святых церквях бываше странно зело». (274.)

с. 13 Духовник Стефан и Ртищев просили царя установить порядок в церкви — и утвердить пение единогласное вместо многогласного. Царь с радостью согласился на их просьбу. Для введения этого чина церковного, конечно, требовались люди способные: и Стефан Вонифатьев — *желаше избрати себе в помощь мужа во словесех речиста и в святых книгах искуснейша.* В это время явился из Нижнего в Москву иерей Иоанн. Житие представляет это явление как будто случайным; но несомненно, что ему дали знать из Москвы, а быть может или Ртищев, или сам Вонифатьев вызвали его в Москву; они часто Неронова приглашали к себе, а *он учением Божественнаго писания многу пользу подаяше им.* (275.) На этом искусстве отец Иоанн оказался вполне подходящим человеком, какого искали, тем более, что и прежде видели, какую *ревность большую имел он по Бозе* и не стыдился говорить правду царю и не боялся обличать сильных. (275.) И потому молиша протопоп Стефан и Фёдор благочестивого царя, да будет Иоанн в Москве; и да поставлен будет протопопом при церкви Казанской Пресвятой Богородицы. Благочестивый государь склонился на просьбу своих ближних и в свою очередь

просил о том же патриарха Иосифа; и таким образом, иерей Иоанн был поставлен протопопом к церкви во имя иконы Казанской Богородицы, что на Красной площади. Это было в 1640 г. Житие рассказывает, что иерей Иоанн, аще и не хотяше оставити церкви, яже в Нижнем Новгороде и *плакаше зело*; обаче и царёва повеления, паче же самого Бога воли преслушати немогий, прият сан протопопства, рёк: воля Господня да будет! (276.) Таким образом, заурядный иерей, пристроившийся в г. Нижнем своевольно в захолустной опустелой церкви, не имевший к себе никакого сочувствия ни от духовенства, ни от гражданских властей — вдруг возводится на очень видное место в протопопы в Москву, по желанию самых видных и близких лиц к царю — духовника Вонифатьева и постельничего Ртищева. Находясь в Москве вблизи всех властей, он мог и в Нижнем Новгороде устроить свои дела, как ему хотелось. И действительно, оставался у отца Неронова в Нижнем преданный ему всею душою ученик его диакон Гавриил: вот он выписал этого диакона в Москву — и решил вместо себя поставить его во иерея в Нижний Новгород к Воскресенской церкви. Мысль свою сообщил Вонифатьеву — и по просьбе их патриарх поставил Гавриила в иерея. Устроив свои дела в Нижнем, отец протопоп Неронов со всем усердием принялся за деятельное служение на новом месте, чтобы, с одной стороны, оправдать собою выбор царских близких, а с другой, зарекомендовать себя и у царя на будущее время. И надобно отдать справедливость Неронову: он стал трудиться со всем усердием, если верить житию его. *«Изыде сеяя сеяти семене своего!»* Так оно начинает службу протопоба Иоанна в Москве. Началось со слезами благовестие слова Божия по книге Златоуста, а в богослужении ввелось единоголосное чинное пение и чтение, а с вечера на воскресенье и праздничные дни стали совершаться всенощные бдения. Народ собирался в Казанскую церковь в таком множестве, что и на папертях церковных не было свободного места; нередко и сам царь с царицей и детьми приходили слушать проповеди иоанновы. Кроме поучений, протопоп Иоанн принимал к себе странников и больных — и сам во главе всех подавал им помощь. Духовник царский радовался, что Бог послал ему такого учителя церкви. Пять лет так трудился отец Неронов — тихо, без особенных обстоятельств к его прославлению.

с. 14

Тогда при патриархе Иосифе началось исправление богослужбных книг. На первых порах это исправление производилось чрез сличение с славянскими списками и на основании собственных соображений справщиков. Последние набраны были по преимуществу из московского духовенства, недостаточно образованного и мало пригодного для такого дела. При таких справщиках немаловажное влияние в деле церковных исправлений получил и царский духовник Стефан Вонифатьев, а чрез него и Неронов. Конечно, подобный состав справщиков не обеспечивал успеха делу; исправление книг шло плохо, неумело, — ошибок в книгах не убавлялось: да иначе и быть не могло, потому что книги славянские исправлялись славянскими же книгами, исполненными таких же ошибок. Видел это более других сведущий человек Ртищев и понимал, что основательного исправления книг без знания греческого языка быть не может; почему он, с согласия Царя, в 1649 г. выписал из Киева до 30 человек учёных и завёл училище, в котором преподавались языки: славянский и греческий, риторика и философия. Эти учёные стали исправлять и библию по греческому тексту. Прежние справщики самоучки остались в стороне. Исправляя книги, киевские учёные увидели множество ошибок и неправильностей, допущенных прежними справщиками, а эти, в свою очередь, не имея по невежеству своему в руках правильной защиты, отстаивали своё невежество только давностью священных и богослужбных книг с их ошибками, а главное, набросились со всею злостью на учёных иноков, стараясь уничтожить их авторитет, называя их самих неправославными, как учившихся в иезуитских школах, а исправление книг с греческого языка представляли чуть не еретическим, — так как язык этот находится в употреблении греков, подпавших под власть турок и не соблюдавших добрых нравов и не твёрдых в вере. Но как бы то ни было, несмотря на препирательство враждующей партии, киевские учёные справили при Иосифе Службник и приостановили издание Кормчей, неправильно исправленной прежними справщиками. Как ни усиливались прежние справщики занять прежнее положение по исправлению книг, это не удалось им, и их престиж пошатнулся во мнении понимающих лиц. Они же, по своему самолюбию и невежественному упрямству, только оттачивали старые орудия для борьбы. Быть может, при Иосифе они и надеялись с помощью разных интриг возратить себе прежнее первенство, но Господь не допустил сбыться их надеждам. Патриарх Иосиф помер, на престол патриарший вступил митрополит Никон из Новгорода. Этот повёл дело исправления книг с полною энергиею и усиленною деятельностью: тогда пришёл конец надеждам прежних справщиков. Обстоятельства круто изменились, и отец Иоанн Неронов вместе с другими оказался в стороне того просветительного движения, которое сосредоточилось вокруг Никона. Скрывая свою печаль, он

с. 15

с. 16

испрашивает у Никона благословение побывать на родине своей в городе Вологде, где близ города в пустыне на Лому на реке Саре, неизвестно кем и когда обретены были мощи некоего инока Игнатия. Отец Иоанн признал эти мощи святыми и больше знать не хотел никакой канонизации. Вера в его святость в известном круге его знакомых была безусловная. Плещевы, например, величали его равноапостольным, а его друг по расколу Феокист — мужем желаний духовных, подобным ангелу. (Знам. 248.) «И поживе, — сказано в житии, — в этой пустыни дни многи», распорядился как обнести пустыню оградой, построить в ней каменную церковь, поставив к этому строению особых приставников, дал им надлежащую сумму денег и отправился в Москву.

- с. 17 Между тем в Москве новыми учёными справщиками исправление книг шло безостановочно, как равно и печатание исправленных книг. В 1653 г., то есть, быть может, в отсутствие Нероново в пустыне, к приезду его в Москву вышел патриарший указ о поклонах, употребляемых в Святую Четыредесятницу при молитве: Господи и Владыко живота... Указом повелевалось произносить молитву в первый раз с тремя великими поклонами, — после них класть 12 малых поклонов, а потом произносить молитву, и в конце её класть один великий поклон. Прежние справщики, преследуя одну обрядность, допустили делать все поклоны в этой молитве великие. От патриаршего указа Павел епископ Коломенский, Аввакум, Логгин и Даниил пришли в ужас, а отец Иоанн Неронов затворился в келье Чудова монастыря на первой неделе Великого поста, когда в церквях читается эта молитва, — и молился; и вот, рассказывает сам Неронов: от Спасова образа изшёл глас: «*Иоанне! дерзай и не убойся до смерти: подобает ти укрепити царя о имени моём, да не постраждет днесь Русия, якоже и юноты*». (99—100.) Из кельи Неронов ходил укреплять царя и жаловался на Никона, а его друзья — защитники мнимой старины ходили на печатный двор и ругались с справщиками, выставя себя ревнителями православия, служили по старым книгам, выполняли двуперстие, земные поклоны и двойную аллилуйя. Начались аресты, ссылка непослушных в отдалённые монастыри. Раскольники распалали тёмные массы гласами от образов и выставляли себя мучениками за веру, и народ видел, как этих мучеников везли в простых телегах со связанными руками и с цепями на шее. Когда же Логин, Муромский протопоп, был схвачен и отдан жестокому приставу, тогда Неронов имел личное дерзкое объяснение с патриархом Никоном. При этом объяснении он совершенно забыл, что говорит с патриархом; пред ним патриарх стоял как будто преступник, обвинения сыпались градом, и прямо называл патриарха лжецом. После этого Неронов сослан был Никоном сперва в Новоспасский монастырь, а потом в Симонов. Отсюда он послал царю жалобу, что ему в церковь Божию ходить не велено, никого не пускают к нему, даже из своих, что наконец повезли его в соборную церковь, сняли с него скуфью, заковали и определили сослать на Кубенское озеро в Спасо-каменный монастырь под крепкое начало. Царю, конечно, объяснил патриарх всю дерзость и изветы Неронова; составился местный собор под председательством патриарха Никона в 1653 г. августа 1-го, и ссылка его состоялась. Властям, с которыми Неронов должен был встретиться, писано: «за великое бесчиние быть ему в чёрных работах». И вот с этих пор почти до самой смерти Неронова жизнь его представляет своего рода волнуемое море, колебавшее тишину церкви православной, жизнь, исполненную разных злоключений. Архимандрит Спасо-каменного монастыря принял Неронова, как страдальца, очень милостиво и старался доставлять ему всякое успокоение. В указе предписывалось *быть ему в хлебе и муку сеять*; но жить ему очень было привольно: и обеды для него были обильные, и квасы хорошие, и прислуга к его услугам, так что сам Неронов говорил: *такого строя я и в дому своём не заводил*. Но он не любил оставаться в тени, любил любоначалие: он стал исправлять недостатки, вкравшиеся в монастырском богослужении, стал вычитывать всё по уставу, служба стала длинная, к которой не привыкла братия. Замечания делал он, как власть имущий, с нещадным обличением, так что с своим обличительным и дерзким характером он месяцев через шесть крайне надоел и братии, и самому архимандриту, своему благодетелю.
- с. 18
- с. 19

Несмотря на хорошее житье вначале в Спасо-каменном, Неронов чувствовал себя как пронзённый стрелой зверь, запертый притом в клетке. Лишась величия московского, сосланный в дальний монастырь, он не мог примириться с своей судьбой, почему и вёл себя задорно в отношении к окружающей его братии. Видя, что в Москве никто о нём не вспоминает, никому он стал не нужен, он решил сам напомнить о себе; и вот чрез 3 месяца после выезда из Москвы, 1654 г. ноября 6-го, он пишет письмо царю и духовнику его Вонифатьеву о своих бедствиях, как неповинный страдалец за веру православную, и о бедствиях других его друзей опальных раскольников; царю пишет, что если он не вступится за них, не облегчит их участи, то постигнет его гнев Божий и неудача в тогдашней войне с Польшею. О борьбе же с патриархом

Никоном он объясняет, что он вёл её по извещению Божию, припоминая глас от иконы Спасовой. Не дожидаясь ответа на эти письма, нетерпеливый старик (63 лет) в том же году февраля 27-го пишет другое письмо царю об исправлении книг Никоном, объясняя, что и без этого исправления всё было хорошо, а теперь коленное поклонение (смотри выше указ о поклонах) попирается, перстосложение старое отменяется и вводится новое. Для придания же письму большего веса и эффекта толкует, что нынешнее мятежное время знаменует явление антихриста. На патриарха Никона писал извет, что *он-де и твоё величество осуждал и ругал, а я-де не стерпел той мерзости и попрёки пред ним глаголах за твоё величество, да невысоко парит, яко орёл*,... что он от патриарха разрешения не ищет (?) потому-де, что и он состоит под началом у Христа, а упование всё возлагает на Спаса Иисуса Христа. Духовник Вонифатьев два раза писал Неронову, уговаривал его оставить своё упорство, извещая в то же время, что патриарх готов примириться с ним. Но старик отверг примирение. «Не стужай нам, дело назначенным; аз орю и добре землю делаю; а что патриарх ожидает от нас прощения и покаяния — должен убо есть и сам просити от нас прощения и к Богу приносить покаяние, зане туне меня оскорби».

с. 20

Письма Неронова и жалобы на Никона возмутили царя, и он чрез духовника своего Вонифатьева велел ему замолчать. Царь ещё любил Никона и уважал его и Неронову не разрешил пострижения в монашество, которого он просил в письме помимо Никона, считая это церковным делом.

Отец Неронов, получив запрещение царя писать ему, не смутился; он стал подходить к царю с другой стороны. Того же 1654 г. мая 2-го он решился написать письмо царице — Марье Ильиничне о своих и любезных друзей своих неповинных страданиях с слёзною просьбою умоливать царя о возвращении всех их из ссылки опять в Москву. Интересно в этом письме то, что в нём Неронов в первый раз упоминает своё имя, данное при крещении, и пишет: «юзник о Христе, Казанский протопоп *Гавриил*, рекомый *Иоанн*». Тогда же писал Неронов и духовнику Вонифатьеву. В письме этом он с желчью подробно описал бедствия от Никона, бывшие для него самого и друзей его. В письме этом Неронов не пощадил и самого царя, запретившего ему писать: «Благочестивый Государь аще и писати впредь нам к нему не повелевает, написати ему будет Бог ни чернилом ни хартиєю, но духом и истинною». (87.) Несмотря на грубый и злостный тон письма, в отношении к царю и патриарху, рекомый Иоанн Неронов просит Вонифатьева *сие писание* со вниманием прочесть многожды царю.

с. 21

Между тем, живя в Спасо-каменном монастыре, отец Неронов подначальный не переставал наносить оскорбления архимандриту и братии с своими замечаниями и обличениями, как будто приставленный к монастырю для надзора за ним; все возненавидели его и вынудили архимандрита и братию написать на Неронова в Москву жалобу, что от него никому житья нет, что распоряжается он в монастыре, как настоятель, не признавая власти действительного настоятеля. Вследствие этой жалобы его сослали в заточение в Кандаджский монастырь на оток (остров) океана моря. С радостью развязалась братия Спасо-каменного монастыря с Нероновым и вздохнула свободнее. При ненависти к нему его, конечно, как можно скорее выпроводили из монастыря, так что Неронову некогда было никому написать о своей скорби. Путь лежал ему чрез Вологду. Сопровождать его приезжали друзья его из Муромы Логин, Феоктист и другие преданные ему лица. Отсюда 13 июля (1654 г.) он писал к духовнику Вонифатьеву, как единственному по прежней дружбе человеку, к которому мог писать. В письме этом видна отчаянная скорбь, и чтобы обратить на неё внимание, называет Вонифатьева самыми любезными именами: «о любезный мой и драгий юзнице, священная воистинну главо, протопопе Стефане». Далее приводит примеры святых святого Феодора Студита, святого Златоуста, Афанасия Великого, изгнанных со своих кафедр, страдавших за истину, но получивших прежнюю честь от верных и неверных царей, — с ними сравнивает он своё бедственное положение и находит его хуже их, потому что *неверные цари* управу давали, а ныне глас вопиющих не услышан. (99.) Затем рассказывает бывшее ему откровение от иконы Спасителя, повелевающего ему действовать так, как он доселе действовал, и о чуде, бывшем с епископом Павлом, как от его страданий за истину бездушная тварь расседя, как при Христове распятии раздрася завеса церковная. Сказует и хотящий быти гнев Божий за презрение вопля его и за оскорбляемых рабов, проповедующих истину. (137.) В заключение просит возвестить царю болезнь сердца своего: «*внимай, государь, полно спать*» (104), и утверждает, что если он будет молчать, то и ему грозит гневом Божиим: «глаголю всем на Москве и на всех местех — за молчание всем зле пострадати». (107.) Но это письмо никаких добрых последствий для Неронова не имело. В Вологде он ходил в церковь, и вот однажды по окончании обедни обратился к народу с поуче-

с. 22

с. 23 нием, в котором изъяснил, что завелись-де на Руси новые ереси, что православных христиан, которые содержат отеческие предания, мучат и в дальние страны заточают, а о патриархе Никоне сказал, что ему Государь дал волю, но что он и сам скоро из Москвы выскочит. Неронов приобрёл навык, как обращаться с тёмным народом, чтобы подействовать на него. Это увлечение народа сделалось известным дяку съезжей избы, который во избежание дурных последствий постарался поскорее выпроводить Неронова из Вологды. Из Вологды же Неронов успел написать послание ко всем боголюбцам города Москвы и прочих городов и всех стран. Содержание послания состояло из излюбленных им тем, о приближении времён Антихриста, из упоминания о себе, что он юзник о Христе, страдалец, неволею влеком в дальние страны, и что пишет послание сие во утверждение их, «да не кто в вас словопрением прельщая будет» (121) и просит их «блжустися злых деятелей» (122), разумея, конечно, патриарха Никона и других исправителей богослужебных книг.

В Кандалажском монастыре Неронов попал под крепкий затвор: его держали на цепи и в железках, не пускали к нему никого и не давали писать. Год прошёл в этой суровой ссылке. Хвалившийся, что он с радостью переносит страдания за Христа, слышавший ободрение в страданиях от Спасова образа, не видя облегчения своей участи, наконец, прибегнул к очень мирской мере, — решился он на побег из монастыря. Подговорив для того троих особенно преданных ему духовных детей, он убежал с ними из монастыря и, дошедши до моря, пустился на малом баркасе в открытое море. Две погони были посланы за беглецами, но не догнали их и возвратились назад. Много бед испытали они, странствуя по бурному морю; однако, как пишется в житии (139), молитвами избранника Божия Неронова наконец воссияло солнце, утихло море, а в малой лодке и воды не оказалось; они благополучно приплыли к Кемскому устью, где нашли лодку и старца соловецкого, возвращающегося с промысла; с ним благополучно прибыли в Соловецкий монастырь. Архимандрит монастыря Илия, знавший и прежде Неронова и сам державшийся раскола (141), очень благосклонно принял его, держал его некоторое время у себя и снабдил отца Неронова всем нужным для пути его к Москве.

с. 24 Патриарх Никон, узнав о бегстве Неронова из Кандалажского монастыря, разослал повсюду грамоты о сыску Неронова, и за некрепкий за ним надзор архимандриту Кандалажского монастыря и братии запретил причащение Святых Тайн, а архимандрита Соловецкого монастыря за ласковый приём беглеца отставил от службы. Отец Неронов из Соловецкого монастыря благополучно достиг города Архангельска, и оттуда, по сказанию жития, хождаше Иоанн из града в град и пребываше у Христомольцев, боящихся Бога. Дорога из Архангельска шла на Переславль, и житие рассказывает, что отец Иоанн прииде в град Переславль-Залесский в обитель преподобного Даниила к своему единомышленнику архимандриту Тихону (284—285) и жил у него некоторое время тайно. Так как у Неронова давно была мысль о принятии монашества, и духовник Вонифатьев поддерживал её, то, переговоривши об этом с архимандритом Тихоном, и в то же время без письма Вонифатьева боясь совершить пострижение, отец Неронов отправился в Москву к Вонифатьеву и жил у него некоторое время тайно от патриарха. Здесь у них и созрел план пострижения отца Иоанна Неронова. В Москве, так сказать, на глазах у Никона, совершить его было опасно; надобно было подыскать другое место, подальше от Москвы. Неронов, без сомнения, сам указал Вонифатьеву, как на лучшее и безопасное место — Данилов монастырь в Переславле-Залесском.

с. 25 Вонифатьев одобрил этот выбор и написал от себя письмо архимандриту Тихону. (143.) Так и совершилось пострижение Нероново с именем Григория в Даниловом монастыре от архимандрита Тихона 25 октября 1656 года. Неронов имеет теперь три имени: данное при крещении *Гавриил*, данное родителями *Иоанн* и монашеское *Григорий*.

Для чего Вонифатьев советовал Неронову принять иночество? Прямого ответа нет в документах; но у него могла быть, во-первых, та мысль, что Неронов, приняв образ монашеского смирения и послушания, будет смиреннее вести себя и послушнее властям церковным, — во-вторых, приняв во внимание, что появление Неронова в Москве узнает патриарх, вот он и рассчитывал, что и сам патриарх будет снисходительнее, когда узнает, что он принял иночество по чину православному, и признает это за желание общения его с православною церковью, и тем более, что он будет ведаться со старцем Григорием, а не с ненавистным ему именем Иваном Нероновым.

с. 26 Касательно времени и места пострижения Неронова в иночество сведения расходятся. У профессора Знаменского (в «Православном Собеседнике» за 1869 год, ч. 1) выходит, как будто Неронов принял монашество в Москве; но в материалах для истории раскола, собранных профессором Субботиным, есть прямые указания на то, что Неронов принял монашество

в Переславле-Залесском от Даниловского архимандрита Тихона. Разница выходит в монастырях, в которых совершилось пострижение, и во времени его совершения. В допросных речах от митрополита Сарского и Подонского Павла от 1665 г. августа 24-го дня, на основании челобитья Неронова, он объявляется постриженником Горицкого монастыря, что в Переславле (стр. 202), а в записке о жизни Неронова пишется, что пострижение его было совершено 7164—1656, декабря 25-го в Данилове монастыре в Переславле-Залесском в соборной церкви, что постригал его архимандрит того монастыря Тихон (стр. 143). В житии Неронова, писанном после его смерти, тоже говорится, что архимандрит Данилова монастыря Тихон принял беглого из Кандаджского монастыря Неронова сокровенно (тайно) и, конечно, тайно же постриг его. (285.) В соборном деянии 1656 года над Нероновым прямо утверждается (стр. 129), что он, Неронов, не испросив благословения и не примирился святей церкви, пострижеся от своего единомысленника из Переславля, от Даниловского архимандрита Тихона, имя себе нарёк Григорий (130). А в примечании под этим соборным деянием говорится, что пострижение последовало 25 октября 7164 года (127), то есть 1656 года (считая начало года с сентября месяца). Итак, пострижение Нероново в монахи было совершено в Переславском Даниловском монастыре архимандритом того монастыря Тихоном сокровенно 25 октября. Что в записке о жизни Неронова говорится, что оно было 25 декабря — это, по всей вероятности, опечатка. Пострижение совершено сокровенно, и потому в великий торжественный праздник Рождества Христова не могло быть. Тем более не могло быть в Горицком монастыре: зачем Даниловскому архимандриту постригать в чужом монастыре, когда это пострижение совершалось тайно, без благословения патриарха. Таким образом, год, месяц и число пострижения Неронова найдены.¹ В новом иноческом чине Неронов прибыл в Москву и жил у Вонифатьева 40 дней; отсюда ходил он навестить устроенную им Игнатъеву пустынь и повидаться с своими родителями. Патриарх Никон не переставал разыскивать Неронова, а друзья его укрывали его, яко зеницу ока. (144.) Между тем дерзкие письма Неронова к царю и царице о Никоне, которого он знать не хотел, разные смуты в монастырях, в которые он был сослан, его проповедание народу и словом и писанием, наконец бегство его из Кандаджского монастыря — вынудили Никона составить на Неронова собор, тем более возможный, что в Москве находились тогда Антиохийский патриарх Макарий и Никейский митрополит Григорий. И собор состоялся в 1656 году в начале января. На нём присутствовали два патриарха: Никон и Антиохийский Макарий, 5 митрополитов, в числе их Никейский Макарий, 4 архиепископа и 1 епископ, 18 архимандритов, 10 игуменов, 8 протопопов² и много священников и диаконов — итого 48 лиц высшего священного чина, кроме священников и диаконов. Собор этот вспомнил местный собор на Неронова, бывший в 1653 году, на котором он, Неронов, *надувся гордостию бесовскою, не восхоте о своих злых вину принести, но ещё вящие иную злобу яви, и святой собор укори и досадительными неправедными словесы святейшаго патриарха Никона укори окаянный он, Иван, и непреподобный* (128), что за это бесчиние послан был в монастырь на смирение; но он из монастыря убежал и, обходя монастыри тайно, яко Иуда возмущает не утверждённый в слове души; писал многая ложная и о великом государе, царе, патриархе Никоне, и о восточных патриархах, отменяя греческаго православия и древния святых греческия книги укори, наконец, не испросив благословения и не примирился святей церкви, постригся от своего единомысленника архимандрита Переславского Данилова монастыря Тихона. За эти вины собор постановил: Ивана Неронова протопопа, ныне Григория, с его единомысленниками от святыя церкви, яко гнил сосуд, отсеци и проклятию предати. (124—131.)

с. 27

с. 28

Неронов, конечно, узнал от своих приятелей, например, от Вонифатьева, о состоявшемся определении собора, и сообразив, что его странническая жизнь, соединённая с опасностями попасться в руки сыщиков от Никона, непременно откроется, решил сам явиться в Москву и представиться Никону. К этому побудило его и то, что за укрывательство его многие тяжко страдали.

с. 29

¹Время это согласно с временем бегства Неронова из Кандаджского монастыря. Если бегство это совершилось 1655 года 10 августа, то 2 месяцев до 25 октября 1656 года вполне достаточно для странствования Неронова, то есть до его пострижения.

²Духовника царского протопопа Стефана Вонифатьева на соборе не было. Патриарх Никон, по всей вероятности, узнал, что он укрывал у себя Неронова, отрешил его от места, потому что из списка протопопов, подписавшихся под соборными определениями, усматривается, что все придворные церкви имели протопопов с другими именами. Архимандрит Тихон, укрывавший Неронова и постригавший его в монашество, после собора, даже раньше — в 1655 году, тоже должен был лишиться настоятельства в Даниловом монастыре. В моём описании Данилова монастыря время управления его монастырём 1652—1660 и у Строева с 1651 по 1658 год — неправильно.

- Приняв монашество, Неронов не изменил себя: это был тот же волк, только в овечьей коже, те же змеиные уста и ядовитый язык остались при нём и по принятии иночества. Всё это ясно видно из его свидания с патриархом Никоном. В 1657 году января 4 дня Неронов пришёл на патриарший двор и стоял у Крестовой церкви. Патриарх Никон шёл из своих палат к литургии. Неронов в образе смиренного инока поклонился ему; патриарх спросил его: что ты за старец? — «Я тот, которого ты ищешь — прежний казанский протопоп Иоанн, ныне же во иноцех старец Григорий». Патриарх пошёл в церковь; Неронов шёл за ним и говорил: «Что ты один ни затеваешь, то дело не крепко; по тебе другой патриарх — будет переделывать всё твоё дело, и тогда будет тебе иная честь, святой владыко». Надобно удивляться терпению и благодущию Никона: он ничего не сказал на дерзкие слова и вошёл в церковь. Литургия кончилась. Неронов опять стал на глазах патриарха, который велел ему идти в Крестовую. Здесь после молитвы все воздали благодарение Богу и надлежащее поклонение патриарху; поклонился и Неронов, и стал говорить патриарху: «Что ты, святитель, повелел искать меня по всему Российскому государству и из-за меня многих лиц муками обложил, с жёнами и детьми разлучил, а некоторые из них в темницах умерли, — и что за вина моя, ради которой так усердно ищешь меня? Вот я пред тобой; делай со мной, что хочешь; вселенским патриархам я не противлюсь. Вот новопечатанная книга, в которой велено креститься тремя перстами; если и они согласны в том, и ты с их согласия напечатал, то и я не противлюсь, чтобы только это было истинно: под клятвою вселенских патриархов я быть не хочу». Патриарх ничего не сказал на эту смелую речь, а Неронов, возбуждённый молчанием патриарха, стал говорить грубее: «Какая тебе честь, владыко, что всем ты страшен, и друг другу называют тебя зверем лютым: львом, медведем и волком!» — и много говорил другого — всё в этом же дерзком тоне. Но патриарху, видимо, надоело возиться с дерзким человеком, который нанёс ему столько огорчений и возмущений против мира церковного, — который и в монашеском чине остался тем же неукротимым Иваном Нероновым. Ему дорого было, что Неронов примирился с троеперстием и готов был войти в соединение с восточными патриархами и с православною церковью; почему Никон ничего не сказал на его грубые речи — и обошёлся с ним очень благодушно и милостиво: велел дать ему особую келью на Троицком подворье и озаботиться о том, чтобы нужды ему ни в чём не было, присылал даже блюда своего стола, и дана была ему свобода ходить, куда угодно, и принимать кого бы то ни было и днём и ночью. (153.)
- с. 30
- с. 31 Великий Государь Алексей Михайлович, узнав о примирении Неронова с патриархом, был очень рад этому. Чрез два дня сам патриарх совершал обряд присоединения старца Григория Неронова к православной церкви. Неугомонный инок не мог смирить себя и во время присоединения. Когда патриарх спросил его: «Приобщаеши ли святей, соборней и апостольской церкви?» Инок Григорий отвечал: «Не понимаю, что говоришь, — да и раздора церковного ни с кем не имею; Святую Троицу — Отца и Сына и Святаго Духа в Троице единого Бога исповедую и славлю единосущно и нераздельно, и несмесно. А что ты на меня клятву положил своею дерзостью, то сделал по страсти своей, гневаясь». Многие другое дерзкое, не относящееся к данной минуте, говорил Неронов патриарху; но патриарх выказал крайнее терпение к расхажившему грешнику и со слезами продолжал разрешительные молитвы. После присоединения патриарх сам причастил инока Григория Святых Тайн, а по окончании обряда присоединения устроил и обед в знак мира, разрешил всех узников раскольников по просьбе Неронова и отдал ему все письма его, которые он в различное время писал царю и духовнику Вонифатьеву, и другим духовным лицам.
- Благоразумие каждого смертного требовало бы дорожить и пользоваться благодеяниями мира. Неронову со стороны Никона сделано всё возможное и оказано всякое внимание, чего он не заслуживал. Но он как будто сожалел, что не отверг совсем примирения и дал Никону право присоединить себя к церкви. Января 12 в день именин царевны Татианы Михайловны были у всенощной царь и патриарх; был там же инок Григорий; патриарх стоял в алтаре. Царь, увидев Неронова, сошёл с своего царского места и подошедши к нему сказал ему милостиво: «Не удайся от нас, старец Григорий?» Вместо благодарного чувства за такое великое снисхождение к нему царя, Неронов не постыдился в церкви сказать: «Долго ли, Государь, терпеть тебе такого врага Божия (разумея Никона)? Смутил он всю русскую землю и твою царскую честь погряз; не слышно твоей власти, его одного врага бояться все». Царь тотчас же отошёл от этого неукротимого старика, не сказав ни слова. По окончании службы Неронов, как ни в чём не бывало, подошёл смиренно к патриарху и выпросил себе отпуск — побывать в устроенной им Игнатьевой пустыни (что на Лому на р. Саре). Патриарх милостиво отпустил его.
- с. 32

Патриарх не переставал оказывать иноку Григорию благодеяния, каждый день посылал ему пищу со своего стола, а тот в свою очередь не переставал грубить ему. Особенно много Неронов наговорил дерзкого патриарху, когда услышал, что в церкви поют аллилуйя трижды и потом, в знамение единства лиц Святой Троицы, припевают: слава Тебе Боже. По раскольничьему катехизису нужно-де петь дважды аллилуйя, и потом — слава Тебе Боже. Хотя инок Григорий и присоединился к православию и выразил желание быть в союзе с восточными патриархами, но слепая привязанность к старине так впиалась в него, что он с досады опять ушёл в устроенную им Игнатьеву пустыню, которая стояла без службы за неимением священников. Здесь, на свободе, оплакивал он исправления старых книг — и решился выйти на защиту их.

с. 33

Между тем в 1658 году июля 10 Никон по неудовольствию с царём отказался от своего сана и уехал из Москвы в свой Воскресенский монастырь. По отъезде Никона из Москвы, у Неронова воскресла и прежняя злоба против Никона, и прежние раскольнические мнения против новшеств. Бывшее примирение Неронова с Никоном и церковью было лицемерное. Чтобы выставить свой авторитет в раскольнических мнениях, он решил поставить во главу их измышлённое им явление ему Спасителя.

В 1659 году января в 6 день был он в Москве, в доме своего сына Феофилакта — и здесь будто явился ему Сын Божий с двумя светлыми юношами и говорил ему: «Григорий, почто не исповеда, яже виде тайны, но скрывая таиши благодать мою?» (То есть ему, запрещённому, служить по чину — и служить по древним книгам.) И обратившись к юношам сказал: возьмите его и бейте. И били его двумя дубцами, а по окончании биения Христос сказал: иди к митрополиту Питириму и возвести ему вся. (165—166.) Он пошёл тотчас же к митрополиту Питириму, рассказал о видении и очень желал показать ему раны от дубцов. Но митрополит не стал свидетельствовать его раны и, чтобы скорее отвязаться от него, сказал: «Верую, отче: мощен бо Господь творити преславная».

Старец Григорий не смутился невниманием митрополита к рассказанному им чудесному видению. После ухода из Москвы Никона, он почувствовал простор своей деятельности и принялся опять за челобитные царю. В 1660 году он пишет челобитную царю о скорейшем избрании патриарха вместо Никона. «Вот, — пишет он, — уже 2 лета прошло и более двух месяцев, как церковь вдовствует, не имея жениха с тех пор, как архиерей (то есть Никон) с клятвою отрёкся от нея, а правила Святых отец не позволяют вдовствовать более трёх месяцев (Всел. 4 пр. 25), а отрешагося имени епископскаго и от сана извреци повелевают (Св. ап. пр. 62)». Молит Государя избрать вместо Никона, да не привлечёт он на всё государство праведного от Бога гнева, затем не стыдится учить царя, каких качеств следует избирать в патриархи: — «не славных и честь века сего любящих благоволи, Государь, избрати; но смиренных и кротких»; просит дать учителя, да умеет псалтырь, да разумеет всё еже чтёт, не просто, но со испытанием, священные правила, евангелие, апостольские книги и всё божественное. В конце челобитной молит царя: скоро благорассуди о церкви Божией и тогда подручные твои многих скорбей освободятся и в веселии и радости прославят в Троице славимого Бога. В этом желании и заключается вся суть многоречивого челобитья. Неронов верил, что если вместо Никона поставится другой кроткий патриарх, то он освободит всех раскольников ссыльных и даст им свободу. Но царь, как и следовало ожидать, не послушал чернеца Григория, бывшего и в ссылке, и под клятвою соборною, а решил по совету Паисия Лигорида, митрополита Газского, передать дело о Никоне на суд восточных патриархов.

с. 34

Чернецу Григорию очень не хотелось, чтобы Никона судили восточные патриархи, потому что троеперстие, устав о поклонах в Святую Четырдесятницу и исправление церковных книг установились с согласия восточных патриархов: его вождения, что после Никона пойдёт всё по-старому в будущем, разбивались в прах. Ему хотелось, чтобы Никон судим был судом русских архипастырей, тем более, что митрополит Крутицкий Питирим, правивший церковью после Никона, был против него. Очень досадно было Неронову, что по уходе из Москвы Никон поместился в устроенном им Воскресенском монастыре и служил в нём, как патриарх, и действовал по-архиерейски. А из того, что царь Алексей Михайлович без суда над ним восточных патриархов не отставлял его от кафедры Московской, в воображении его представлялся возможным возврат Никона в Москву на патриаршую кафедру, чего Неронов боялся хуже огня. Вот по этим-то побуждениям Неронов обратился к царю с другим челобитьем. Все волнующие Неронова мысли и изложены им в этом челобитьи. Это не что иное, как злая брань на Никона, в которой неудержимо изливаются ругательные слова. Это не что иное, как памфлет, за который ныне заключают в тюрьму. Под видом ложного благочестия и заботы о водворении мира церкви, Неронов вопиет к царю: «что медлиши (то есть избрать нового патриарха),

с. 35

- что сомневаешься и щадиши оставившаго Московский патриарший престол?» — то есть Никона, — и клеймит его разными поносными именами: называет его не человеком, но зверем (188), что клятва Никона яко огонь злато чистит, а благословение его яко ржа железо губит (188),
- с. 36 уподобляет его, после ухода из Москвы и архиерейски действующего, псу, возвращающемуся на свою блевотину, подводит его под анафему и выписывает из отписок архиереев, от которых требовались мнения (это было 1662 года март) об оставлении Никоном кафедры Московской, все дурные отзывы о нём, особенно тех архиереев, которые были недовольны Никоном, — например, один из них, Иона Ростовский, сравнивает Никона с Валаамом волхвом и сатаной, сверженным с неба за гордость, — что новые книги Никона (по словам Вятского епископа Александра) суть мудрования еретические и блужения, а митрополит Лигарид — все затейки Никона нашёл законопреступными и гневу Божию повинными, — и собор-де русских архипастырей (бывший 1660 года) осудил Никона. После этого опять просит царя ускорить избрание нового патриарха — и не отдавать дело о Никоне на суд восточных патриархов, что его может законно судить и суд русских иерархов. В заключение пишет: *«воистинну, Христюлюбивый царю, блажен имаша быти, в роды и роды храним, аще ево строения монастыри от основания разоришь, и прелестное его мудрование упразднишь»*. И это челобитье Неронова, как и следовало ожидать, осталось без последствий. Тогда Неронов набросился на других архиереев — и что про кого ни услышит от каких-нибудь прохожих, тотчас же доносит царю, не щадя даже тех, словами которых пользовался в осуждении Никона, в своём челобитье. Так в 1664 году ноября 11 были дознания по извещениям Неронова на митрополита Ростовского Иону, будто он со ставленников берёт 3 рубля 10 алтын; 2) на Симона Вологодского архиепископа, будто он с одного диакона взял 20 алтын вместо 10-ти, и будто он велел служить ему по старому служебнику, а не по новому, и много других извещаний. Но как все эти извещения оказались ложными по суду и не оправдавшимися, то и не сошло безнаказанно этому лаятелю: его сослали в Вологду. Дорога шла на Переславль, и было приказано патриаршему боярскому сыну М. Онучину везти колодника Григория Неронова в Вологду чрез Переславль на подводе в сопровождении двух верховых и беречь его накрепко, чтобы он не убежал с дороги, а в Вологде представить его архимандриту Симону, чтобы он заключил его в Спасский монастырь, что на Лому. Но Неронов объявил, что в Спасском монастыре хотят его убить, — почему митрополит Павел Сарский послал колодника в Переславский Горицкий монастырь. Вследствие этого послана была царская грамота архимандриту Горицкого монастыря Сергию о задержании Неронова в Горицком монастыре до великого Государя указа. Указ не замедлил прийти, потому что в жалобе своей ко вселенским патриархам упоминает о новой обиде от Вологодского архимандрита Симона из-за какого-то попа Сисоя, который говорил хульные слова на Спасителя Иисуса Христа. Собирает всякой лжи и грязи против православного духовенства, Неронов, услышав от каких-то прохожих, что поп Сисой говорил хульные слова на Спасителя, тотчас же пишет о попе царю с объяснением, что архиерей поставил его жалобу ни во что, а его послал под начало в монастырь Спасоприлуцкий и велел держать в чепи и железах.
- с. 37
- Как ни оказывались ложными и не заслуживающими внимания все извещения Неронова, но донос и о попе Сисое надобно было обсуждать. Неронов, вероятно, был вызван в это время в Москву к митрополиту Питириму. Дело, как и прежде, оказалось не имеющим того значения, как казалось Неронову. Беспokoйный чернец собором 1 июля 1666 года сослан был в Иосифов Волоколамский монастырь, с наставлением, чтобы вёл себя смиренно и в послушании. Здесь он, не признававший никакой над ним православной церковной власти, без разрешения архиерейского, и литургии служил, и поучения читал, и благословлял, но с братиею вёл себя грубо и бранился, так что на Светлое воскресенье не слышно было чтения Деяний Апостольских, а за обедом в Светлое воскресенье бранился с келарем и до того вывел его из терпения, что тот сказал ему, «не сатана ли прислал к нам этого Григория!» Такое поведение Неронова, не дававшее покоя братии, снова было обсуждено собором русских иерархов. И на первом соборе 1 июля 1666 года было замечено о Неронове, что *он неоднократно каялся и опять уклонялся в раскол: пребысть во истине непостоянен, яко трость*. (220.) Теперешний собор 1666 года августа 31 за церковный мятеж и непокорение собору определил Неронова отдать под строгий начал с запрещением входить ему в алтарь, облачаться в ризу или стихарь, надевать епитрахиль, благословлять, отлучили его от священства и причащения Святых Тайн и запретили его никуда не спускать из монастыря.
- с. 38
- Между тем в том же году собором в присутствии вселенских патриархов Александрийского и Антиохийского Никон был лишён архиерейского сана и заточён в Ферапонтов монастырь.
- с. 39
- Неронов ясно увидел, что и без участия Никона не проходят даром его дерзкие речи и дея-

ния, и что чем дальше, тем дела его идут хуже. Тогда он, не ожидая себе милостей от русской власти, решил послать жалобу на русских иерархов восточным патриархам, в которой описал бывшие с ним бедствия, а себя неповинным страдальцем за правду и истину; «услышите, — писал он патриархам, — слёзный глас моления моего, старца Григория, благоразсудите о мне грешном истинным и правым святительским рассмотрением по сему моему делу, про што меня грешнаго мучат и отлучён я от пречистых тайн и от священныя службы другой год. Смилиуйте, государи, пожалуйте». (224.)

К счастью Неронова, в это время, по вызову царя, для суда над Никоном прибыли в Москву восточные патриархи Александрийский и Антиохийский. К ним на суд и поступило дело Неронова, не по челобитью, впрочем, его, а судили его, как причастного к расколу. Неронов понял, приговор о нём вселенских патриархов — дело очень серьёзное, для него последнее, что после сего и жаловаться уже некому, изменил свой грубый образ действий, и всему собору написал покаянное послание, в котором, яко блудный сын, вопиал: «Увы мне грешному и окаянному, приложихся скотом безмысленным и уподобихся им», и каялся, что он-де по несмысленству и нерассуждению доселе прекословил и враждовал всеу — и обещался о книгах исправленных новопечатных отнюдь и впредь ни словом, ни помышлением не станет прекословить. (312.) Вселенские патриархи знали, что чернец Григорий непостоянен в истине, яко трость, кается, а потом снова принимается за то же суемудрие; почему и захотели лично убедиться в его православии и потребовали от него прочесть православный символ веры без старообрядческих приложений и сказать, как он читает молитву Иисусову. Монах Григорий безукоризненно исповедал то и другое. Тогда они возложили на главу его свои руки, благословили и позволили надеть ему — кукуль, камилавку и рясу. Григорий поклонился патриархам до земли. После того он обратился и к государю с просьбою: «Вели, благочестивый Государь, мне грешному на упокой старости моей в обитание местечко, где ты изволишь». (243.) Собор восточных патриархов и русских иерархов принял старца Григория в общение с православною церковью; однако по прежним опытам не вполне доверял его раскаянию, особенно после того, когда после благословения его восточные патриархи за благословением же послали его к Иоасафу, патриарху Московскому. Иоасаф, благословляя Григория, сказал: «Григорие! престани прю имети с архиереями». Григорий отвечал: «Владыко святыи! аще и смерть пряти готов есмь правды ради, — непостыжуся глаголати пред цари и владыки». Тогда определили послать его на испытание в г. Переславль в Данилов монастырь. Об этом мы и имеем грамоту патриарха Иоасафа, писанную на имя келаря Данилова монастыря, старца Иакова, следующего содержания:

Указали мы, Святѣйшій Іоасафъ Патріархъ, быть въ Даниловѣ монастырѣ старцу Григорію Неронову на обѣщаніе его въ рядовой братіи и къ церкви Божіей всегда приходитъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ старцу Григорію Неронову велѣлъ быть на обѣщаніе ево въ Даниловѣ монастырѣ въ рядовой братіи и къ церкви Божіей всегда приходитъ, да о томъ къ намъ отписать, а отписку велѣлъ подать въ нашемъ духовномъ приказѣ изъ Переславля Залѣскаго Горицкаго монастыря архимандриту Сергію, да келарю старцу Савѣ, да Срѣтенскаго собору, что у великаго Государя, на сѣняхъ протопопу Андрею Григорьеву. Писанъ на Москвѣ. 7176. Сентября (1668).

В Данилове монастыре хотя не заключали Неронова в темницу и не сажали на цепь, но подначальная жизнь казалась ему очень ничтожна; ему велено жить под началом, а он любил быть в первых и управлять другими. Недаром Аввакум называл его *главою*. Он не мог примириться с своим униженным положением. Возврат в Москву сделался для него невозможным после осуждения его Собором и мнения о нём патриарха Иоасафа. В Данилове, монастыре тогда настоятеля не было, и у него родились вождедения попасть на это место. Случай к этому представился очень хороший. Дошёл слух до Переславля, что царь Алексей Михайлович с своею семьёй прибудет в Троицкую Лавру на память преподобного Сергия 25 сентября. Так как житие Неронова представляет ссылку его под начал в Данилов монастырь без ведения Государя (295), то в голове его быстро состроился план представиться царю в образе жалкого, униженного, забытого, невинного страдальца — и, как хороший знаток души тишайшего, рассчитывал расположить царя в свою пользу. Стал он проситься у начальных властей монастыря на несколько дней к Троице, чтобы видеть царя и поклониться ему. Братия монастыря (архимандрита после смерти Аврама ещё не было назначено) страха ради патриаршего и прочих архиереев боялась отпустить его. «Не бойтесь, — сказал им Неронов, уверенный в осуществлении своего плана, — не только скорби никакой не нанесу вам, но с радостию примете меня, когда возвращусь к вам». И отпустили его. Пришёл он в обитель преподобного Сергия на другой день по прибытии царя. Когда стали звонить к литургии, пришёл в церковь царь с своим

с. 40

с. 41

с. 42

сыном Алексеем и до начала литургии сел в папертях церкви. Пришёл туда же и старец Григорий и, увидев царя, поклонился ему и испросил у царя позволения сказать ему слово. Царь позволил. Неронов начал говорить: «Праотец наш Адам за то, что не соблюл заповеди, был изгнан из рая; но я, грешный, не ведаю, какую заповедь преступил, и изгнан из царского града и заточён, *дабы не видети царского лица твоего*», — и подал о том челобитную. Царь прочитал её и сказал: «Страдальче! бием одолевай», — принял он и царевич благословение от него — и дали они ему целовать десницы свои. (297.) По окончании литургии царь позволил Неронову идти к царице и благословить её и чад царских. Через несколько времени приходит к нему посол от царя с повелением — идти без всякой боязни в Москву и дожидаться пришествия царя. Когда царь прибыл в Москву, тогда, конечно (хотя житие и не упоминает), — послал его к патриарху с повелением, чтобы поставил Неронова в архимандриты Переславского Данилова монастыря. Житие Неронова рассказывает, что он был настоятелем монастыря 1 год и 3 месяца, а умер он 1670 года января 2-го, — следовательно, октября 2-го 1669 года Неронов был определён настоятелем — архимандритом Данилова монастыря — чрез 7 дней после свидания его с царём в обители преподобного Сергия. Яркими, благоприятными чертами описаны в житии Неронова его вступление в монастырь в качестве настоятеля и управление его монастырём: монастырская братия вышли в сретение его с святым крестом, свечами и пением. А старец Григорий начал чести поучение от божественного писания и со слезами умолял братию быть усердными Богу и жить добродетельно. Управление его монастырём в житии его представлено образцовым: в церковь Божию к службам церковным приходил он прежде всех, — а на воскресные и праздничные дни завёл служить всенощные бдения, богослужение совершалось истово и служил он сам каждый день и поучал народ от божественного писания, и когда поучал, то от очию слёзы, яко река, изливахуся. После божественной литургии всем, бывшим в обители, устраивал обед, а пиянственный обычай в монастыре до конца истреби. Так он правил обителью 1 год и три месяца. Очень может быть, что старец Григорий и так образцово управлял монастырём. Из прежних опытов, например, в Нижнем Новгороде, он показал, что он способен был на всякий труд к приобретению внимания к себе народа. Сделавшись по милости царя из опального вдруг архимандритом монастыря, он, конечно, всячески старался оправдать доверие царя и снискать расположение к себе народа. Всё это он делал усердно, когда всё делалось по его желанию и ни от кого не встречал себе противоречия. Он смотрел на свою деятельность, как на самую праведную и истинную, и не хотел признавать над собою никакой власти церковной, если она ему делала какие внушения и исправления. Избалованный вниманием к нему царя тишайшего, к которому он смел обращаться в своих злоключениях, отец Иван Неронов — в иночестве старец Григорий, и по приятии иночества, которым он обещался подъяти всякую укоризну и поношение и гонение, остался тем же Нероновым, который не терпел поношения себе, и когда встречал его, тотчас вопиял прямо к царю и просил его о защите и наказании виновных. На это мы имеем доказательства в грамоте царской от 7177—1669 г., последовавшей по жалобе архимандрита Неронова в первый же год его настоятельства в Данилове монастыре. И как грамота эта ещё нигде не напечатана, то мы и приводим её в полном виде:

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ Переславль Залѣсскій Степану Тимоѣевичу Салтыкову. Билъ челомъ намъ Великому Государю Переславля Залѣскаго Данилова монастыря архимандритъ Григорій Нероновъ Переславля Залѣскаго нашей Великаго Государя дворцовой рыбной слободы¹ на рыбныхъ ловцовъ на Данилка Пантелеева сына Шаврина съ товарищи, въ нынѣшнемъ де 7177-мъ (1669) годѣ послѣ свѣтлой недѣли въ шестое воскресенье² былъ онъ архимандритъ въ рыбной слободѣ въ церкви Введения Пресвятыя Богородицы³ у всенощнаго, и онъ де Данилка съ товарищи въ церкви Божіи во время святаго пѣнія учинили мятежъ и ево архимандрита бранили всякою неподобною бранію и изъ церкви Божіей вонъ выбили, и намъ Великому Государю пожаловать бы ево велѣть на нихъ Данилка съ товарищи въ томъ ево иску дать очная ставка, и о томъ дати нашу Великаго Госуда-

¹ См.: Свирелин, А. И. Переславское озеро и Рыбная слобода / А. И. Свирелин // Калачов, Н. В. Архив исторических и практических сведений / Н. В. Калачов. — М., 1863. — Т. 5.

² Пётр I в 1692 году в это воскресенье торжественно спускал в озеро построенные им два фрегата и три яхты. (Смотри там же, с. 12.)

³ Эта церковь во имя Введения Богородицы была в самом деле женским монастырём, хотя об этом в грамоте царской не указывается. В сотной грамоте 1562 письма и меры князя Ивана Ромодановского значится и в писцовых книгах Тимофея Маракужева 1675—76 г. писано: да в рыбной слободе на Введенской стороне Введенский девич монастырь; при нём белый священник и диакон, игуменья и 9 стариц; все они получали царское жалованье и ругу пищевых предметов.

ря грамоту, и какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бѣ тѣхъ ловцовъ Данилка Шаврина съ товарищи велѣлъ, сыскавъ, поставить предъ собою съ исцомъ ихъ Данилова монастыря съ архимандритомъ Григорьемъ, или ково онъ въ свое мѣсто пришлетъ съ очи на очи, да въ томъ ево иску судилъ и сыски всякими сыскалъ на крѣпко по нашему Великаго Государя указу и по соборному уложению, да тое ихъ очную ставку и сыскные по истца и по отвѣтчиковъ поручныя записи прислать къ Москвѣ тотчасъ, да о томъ къ намъ Великому Государю писалъ, а отписку и очную ставку и сыскъ и поручныя по нихъ записи за руками велѣлъ подать въ дворцовомъ судномъ приказѣ боярину и оружейничему нашему Богдану Матвѣевичу, да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрову, да Воину Калининичу Селифонтову, да дьякомъ нашимъ Ивану Вахрамѣеву, да Ивану Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7177 Августа въ ді день.

Архимандрит Григорий Неронов был в церкви Введения Пресвятой Богородицы у всенощной на шестое воскресенье после Пасхи. Шестое воскресенье после Пасхи издавна праздновалось и ныне празднуется рыбаками, как особый праздник, имеющий отношение к их рыбному промыслу. Главная рыба в озере сельдь, от ловли которой зависит благосостояние рыбаков. Она ловится два раза в год: зимой около праздника Введения во храм Богородицы, так называемая полѣдная сельдь, и потому построена церковь на берегу озера, или девич монастырь, — и летом, так называемая озорная сельдь (на заре пойманная), после шестого воскресенья после Пасхи, около июня или в июле месяце. Архимандрит Григорий был у праздничной всенощной, в качестве некоего наблюдателя, потому что, пользуясь благосклонностью к нему царя, считал себя вправе наблюдать за богослужением в церкви, принадлежащей к дворцовому ведомству. И так как везде любил он делать вслух замечания местной братии за отступления от устава, даже, как показал опыт в Иосифовом монастыре, браниться до того громко, что в нём не слышно было чтения на Светлое Воскресенье Деяний Апостольских, то очень вероятно, что он и в Введенской церкви не стеснясь стал делать замечания и назидания. Рыбаки же, конечно, знали, что он сослан был в Данилов монастырь под начал, и только недавно сделан архимандритом по своему искательству; почему не стали, по своему недомыслию, церемониться с ним и выгнали его из церкви. Очень жаль, что в монастырском архиве не сохранилось допросных речей и отца Неронова, и рыбаков.

с. 46

Но как бы то ни было, старец Григорий Неронов настоятельствовал в Даниловом монастыре в сане архимандрита 1 год и 3 месяца и скончал свою бурную жизнь 2 января 7178 г. (1670 г.), имея 79 лет от роду, и погребён в папертях соборной церкви Данилова монастыря.

с. 47

Вот кто был Даниловский архимандрит Григорий Неронов, погребённый в том монастыре!